

В.А. Воронов

*Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

В статье анализируется влияние реализации судебной реформы Екатерины II на развитие правовой культуры населения на примере одной из областей Русского Севера – Вологодского наместничества. Для решения поставленных задач автором применялись общие и специальные методы познания, присущие философской, юридической, исторической, социологической наукам. Новизна исследования заключается в вовлечении в научный оборот ранее не использовавшихся материалов делопроизводственной документации местных государственных органов конца XVIII в., дающих представление об особенностях не только реализации избирательного законодательства, но и деятельности судов, созданных в ходе реформы местного управления, их роли в регулировании общественных отношений и эффективности судебно-правовых преобразований Екатерины II. Выводы, сделанные автором, не только опровергают мнение о бесполезности судебной реформы 1775–1785 гг., но и позволяют оценить методы, способы и результаты усилий верховной власти по укреплению баланса общественных отношений – межсословных и межэтнических – как на Русском Севере, так и в Российской империи в целом.

Российская империя, суд, правосудие, судебное представительство, правовая культура.

Екатерина II укрепила сословную организацию русских подданных. Полиэтническое и многорелигиозное дворянство окончательно превратилось в господствующий социально-политический институт. Верховная власть стремилась компенсировать различие лиц в правоспособности их взаимодействием с равно устойчивых позиций сословного статуса, опираясь на требования всех групп населения России, заявленных посредством депутатов Уложенной комиссии (1767–1768 гг.). Открытие новых местных государственных органов, унаследовавших функции столичных коллегий, губернаторов и воевод, праздновалось как общенародное событие во всех губернских и уездных центрах: монарх желал заинтересовать широкие массы населения в проведении судебно-административной реформы, вызвать доверие подданных к органам государственной власти. В 1775–1785 гг. преобразования планомерно охватили территорию империи [1, с. 35–38].

В качестве органов сословной подсудности второго и первого звеньев реформатор учредил верхние земские суды, губернские магистраты и верхние расправы, уездные суды, городские магистраты (ратуши) и нижние расправы соответственно. Вспомогательную роль в сфере осуществления правосудия были призваны оказывать органы городской и уездной полицейской администрации – управы благочиния и нижние земские суды.

Екатерина II утверждала штаты судебных органов в соответствии с реальными условиями их функционирования. Области Европейского Севера России традиционно отличал низкий удельный вес лично зависимого населения. В 1784 г. в частности в Вологодском наместничестве свободные крестьяне состав-

ляли 59,6% населения, частновладельческие, размещавшиеся, преимущественно, в южных уездах, – 22%, дворцовые – 10,9% [12, с. 44–45]. Яренский и Устьесольский уезды заселяли коми-зыряне, сохранившие этническую идентичность [11, с. 28–29].

Удельный вес частновладельческих и государственных крестьян в провинции повлиял на структуру местной судебной системы: на 3 области и 19 уездов Вологодского наместничества в 1780 г. приходилось 1 верхний земский суд и 3 верхних расправы, 5 уездных судов, 4 из которых размещались в Вологодской провинции, исключая Тотемский уезд, исторически лишенный поместной системы, и 1 в Великоустюжской, и 17 нижних расправ [7]. Если штат Ярославского и Рыбнослободского нижних земских судов в Ярославском наместничестве включал 3 дворянских заседателей, то в Великоустюжской провинции Вологодского наместничества состав 6 из 7 коллегий нижних земских судов составляли исключительно представители государственных крестьян [10]. В Архангельской провинции, преобразованной в марте 1784 г. в самостоятельное наместничество [8], уездные суды и дворянские заседатели нижних земских судов также отсутствовали.

Для размещения государственных органов губернского уровня были предоставлены помещения в каменном здании, предоставленном Кирилло-Белозерским монастырем [5, с. 73]. Канцелярии набирали новых работников и снабжались печатными и рукописными копиями законодательных актов. Сословно-демографические условия повлияли на состав канцелярских служащих. Так, в Вологодских уголовной и гражданской палатах ведущей группой оказались выходцы из семей духовенства – 15 лиц или 37,5%,

13 принадлежали к потомственным гражданским служащим, 6 записывались как дети купцов, 3 – потомственных дворян и 1 – личного дворянина, 1 – нижнего воинского чина и 1 – вольноотпущенного человека [Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–232].

Итак, большую часть должностей в судах сословной подсудности Вологодского наместничества монарх предоставил крестьянским представителям. Сельские жители активно включились в отбор кандидатов. Современный автор отметил, что традиции общественного служения, сформированные в северных областях под влиянием природных, хозяйственных и исторических особенностей, имевшие многовековую основу, воплощенную в неписаных нормах обычного права и общепризнанных стереотипах поведения, являлись схожими в волостях русских, коми и карел, ориентируясь на исполнительную и ответственную личность [3, с. 7; 4, с. 36]. В государственных органах оказывались люди, облеченные доверием населения, способные к исполнению служебных обязанностей, как правило, умевшие читать и писать [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 17. Л. 5; Д. 43. Л. 6, 19 об.; Д. 108. Л. 1; Д. 111. Л. 9; Ф. 177. Оп. 6. Д. 1831. Л. 87; Ф. 831. Оп. 1. Д. 194. Л. 1; Д. 414. Л. 2 об.].

Инициативность обывателей прямо способствовала удалению со службы лиц, оказавшихся непригодными [ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 203, 205, 230, 238, 779; Ф. 844. Оп. 1. Д. 2, 3, 12, 13, 22]. Организацию и проведение внеочередных выборов контролировали коллегии судебных представителей. Так, в ноябре 1785 г. Вологодское наместническое правление уволило заседателя Лальского нижнего земского суда Толстикова за аморальное поведение («за чинимый им по средством пьянства явной и гнусной порок»), Великоустюжская верхняя расправа сделала предписание нижнему земскому суду («о выборе на место ево трезваго и достойнаго человека»). В январе 1786 г. новый кандидат на должность («из добросовестных людей и к той должности способной подосиновской волости крестьянин Михайло Терентьев сын Жижин, которой грамоте читать и писать умеющей»). Коллегия верхней расправы рассмотрела характеристику, данную избирателями, отметив нравственное поведение крестьянина М.Т. Жижина («никаковых дурных поступок не оказывается»), и приняла во внимание его положительную оценку капитаном-исправником («аттестующаго к понесению при возложенной на него должности способнаго а притом добросовестнаго человека, каковым у должности быть последует»), объявив о своем решении представить кандидата наместническому правлению для утверждения в должности заседателя [ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 108. Л. 1].

Судебные представители внимательно изучали законодательство и осваивали практику правоприменения. Так, 24 февраля 1786 г. коллегия Тотемской нижней расправы обсудили содержание статей 110 и 111 Учреждений о губерниях и сделали запрос в наместническое правление («со испрашением от онаго вразумления»): следовало ли отсылать на ревизию в верхнюю расправу или для исполнения в нижний земский суд приговоры к наказанию крестьян плетьюми и батогами и как поступать нижней расправе при осуж-

дении нескольких крестьян по одному делу к разным видам наказания. Вологодское наместническое правление указало на пункт 5 статьи 405, предписав впредь обращаться за разрешением всех сомнений к прокурору верхней расправы [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 414. Л. 1–4]. Публичные должностные лица демонстрировали стандарты новой правовой культуры, ставя подписи под записями с решениями по уголовным делам, используя устойчивые выражения («дабы впредь смотря на то в подобных сему случаях и другие так чинить не отваживались») [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 456. Л. 22]. Расправа гарантировала населению соблюдение не только уголовно-правовых предписаний, но и морально-нравственных требований, назначая наказания за соответствующие преступления [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 367. Л. 1–20; Д. 657. Л. 1].

В свою очередь однородность социального происхождения с должностными лицами поощряла крестьян обращаться в государственные органы за защитой своих прав, не исключая внутрисемейных конфликтов. Так, 25 августа 1794 г. Тотемская нижняя расправа удовлетворила жалобу крестьянина Возбальской волости Фёдора Воропанова на сына Ульяна, заменив по его просьбе телесное наказание кнутом, предусмотренное законодательством за побои (статьей 4 главы XXII Соборного уложения), на плети, и распорядилась о «приводе ево в должное родителю своему повиновение» [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 622. Л. 1–39].

Вынесение решения не останавливало лиц, с ним несогласных, перед его обжалованием. Так, на основании именного указа от 28 мая 1795 г. («об учинении немедленного рассмотрения и законнаго решения по вступившей в Сенат жалобе») Правительствующий Сенат в качестве суда высшей инстанции кассировал решения Вологодской уголовной палаты и Вологодской верхней расправы, признав решение по апелляции крестьянина Г. Попова деревни Фёдоровской Красноборской округи, вынесенное местной нижней расправой, законным, обоснованным и справедливым [ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1831. Л. 185–195].

Множество дел, рассматривавшихся в судебных органах северных уездов, были закономерно связаны со спорами о недвижимости как между крестьянами, так и лицами разных сословий, исками о захватах пашни, хлеба, сена, жалобами о препятствиях во владении и пользовании. Расправы обладали абсолютным авторитетом государственных органов, контролировавших межевание земель и угодий, распределение участков («по числу душ, дабы друг против друга было безобидно» [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–6]), и разбиравших специфические конфликты [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 842; Ф. 235. Оп. 1. Д. 60, 140–142, 250, 280, 281, 300; Ф. 238. Оп. 1. Д. 274; Ф. 831. Оп. 1. Д. 46–50, 54, 65, 70, 71, 74, 75, 78–108, 156–169, 210, 214, 229–244]. Прежде всего, сельские заседатели, являясь полномочными защитниками коллективных прав собственности, выступали поверенными во время генерального межевания, запрашивая в компетентных органах копии с различных документов («чтобы при межевании не воспоследовало во отводе остановки») [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 194. Л. 1]. Крестьяне решительно отстаивали свои законные ин-

тересы: в марте 1784 г. по уголовным делам, разбиравшимся при Вологодской межевой конторе, проходили три землемера вместе с подчиненными [Государственный архив Ярославской области. Ф. 72. Оп. 1. Д. 953. Л. 1].

Деятельность органов мирского управления, отметил А.В. Камкин, оставалась привычно нацеленной «на достижение возможного баланса интересов казны, общины и отдельного крестьянского хозяйства». В то же время в ситуации нарастающего малоземелья, расчленения крестьянства, земельных споров и драматических попыток уравнилельных переделов в жизни северной деревни резко увеличилась роль государственных органов и поверенных, исполнявших специальные поручения населения [4, с. 24–25, 34]. Нижние расправы вели учет общественных «приговоров» и доверенностей, выданных общинами [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 428. Л. 1–18]. Только в период 1782–1789 гг. Тотемская нижняя расправа приняла 131 прошение, касавшиеся земельных переделов [3, с. 67]. Участие в проведении межевания принимали все должностные лица уезда – капитан-исправник и заседатели нижнего земского суда, уездный стряпчий – прокурорский работник [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–4, д. 141. Л. 1–2].

Суд находился на страже законности и обеспечивал соблюдение прав и интересов всех сторон в земельных конфликтах. Так, 6 мая 1788 г. Тотемская нижняя расправа сняла обвинения с крестьян деревни Боярской М. Овчиникова и Н. Художилова в неподчинении требованиям сельских заседателей нижнего земского суда, предписав им, чтобы «впредь от подобных сему на крестьян представлений воздержались и тем бы не наводили напрасного затруднения». При межевании пахотной земли обыватели настойчиво просили дополнительных участков («с окупом государственных податей каждому еще на одну душу»), но не препятствовали разделу, отказавшись подписать документ о согласии с его результатом [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 533. Л. 1–8 об.].

Наконец, выборные должностные лица обеспечивали эффективное участие государственных органов в социальной защите обывателей. Так, заплатив налоги за 1784 г. крестьянин деревни Завражской Ф. Иванов, не получивший в 1783 г. земли и угодий на семью из 5 мужских душ, письменно уведомил наместническое правление о своей неплатежеспособности. В переписке по обращению Ф. Иванова участвовали губернатор, наместническое правление, казенная палата, тотемские магистрат, нижняя расправа и нижний земский суд. Согласно документам деревня оказалась обремененной в нарушение предписаний губернского начальства в пользу купцов Пановых. Разрешение коллективного спора было отложено до утверждения Межевой экспедицией городских границ. Уездные власти не нашли способ наделить крестьянина пашней и сенокосами за счет выморочной или неиспользуемой («впусте лежащей») земли и побудили в 1788 г. сельский сход переложить фискальные обязанности с Ф. Иванова на его соседей – «многоземельных и прожиточных крестьян». В декабре 1789 г. нижняя расправа поручила нижнему земскому суду проверить положение крестьянской семьи («ничинит-

ся оному Иванову от кого либо в платеже государственных податей и протчих зборов притеснений а естли какое за дачею уже и подписки притеснение чинится то изыскав обстоятельно от кого оное происходит виновников выслать для суждения в здешнюю расправу в самоскорейшщем времени»). Ф. Иванов претензий к односельчанам не имел, о чем нижний земский суд рапортовал в нижнюю расправу [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 362. Д. 362. Л. 1–62].

Социальная мобильность населения предопределила тесное взаимодействие нижних расправ с органами городского управления. В 1782 г. перепись зафиксировала в купеческом сословии 500 жителей Тотмы, на крестьянское происхождение указали 143 лица обоего пола [6, с. 307]. Согласно документам, в целях эффективного решения правовых вопросов Тотемская нижняя расправа с начала своей деятельности вторгалась в сферу компетенции городского магистрата. Так, в 1780 г. жена купца Ф. Протопопова, длительно отсутствовавшего по торговым делам, обратилась в расправу с заявлением об истечении 20 ноября срока на погашение долга мещанином Ф.А. Токаревым. Истица просила сделать распоряжения в отношении заложенного имущества («закладную крепость у крепостных дел в силу законов записать и взять с ней указные пошлины и по записке отдать во владение мужу»). Нижняя расправа документом, особая форма которого указывала на равный статус – «промеморией», уведомила городской магистрат о предъявлении договора залога и предложила объявить о выкупе домохозяйства. На основании законодательства 11 декабря нижняя расправа отложила на 2 года любые сделки с собственностью мещанина Ф.А. Токарева [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–5]. Тотемская нижняя расправа участвовала в передаче владельцам соляных промыслов, выделении земли для постройки мельниц [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 351, 368], вела книги для учета не только договоров о вступлении в откупы, купли-продаже, залоге, аренде недвижимой собственности, фиксируя экономическую активность сельского и городского населения, но и договоров купли-продажи и залога дворовых людей, крестьян с землей и без земли, наконец, актов об освобождении, выданных бывшим крепостным крестьянам и дворовым людям. Малочисленность местного государственного аппарата требовала участия судебных представителей в исполнении внесудебных поручений. Так, в сентябре 1788 г. из-за занятости членов нижнего земского суда Тотемская нижняя расправа командировала сельского заседателя О. Попова для препровождения 17 пленных шведов от Вологды до Устюга [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 538. Л. 2].

Чиновникам, понимавшим специфику социальных отношений, сложившуюся на Русском Севере, не приходилось сомневаться в реальности статуса сельских заседателей. В декабре 1793 г. в Тотемскую нижнюю расправу обратился дворянский заседатель нижнего земского суда губернский секретарь В.А. Мохов с жалобой на действия капитана-исправника. Суд принял заявление («впредь для ведома»), взыскав с него 25 копеек [ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–2].

Государственные служащие приспособивались к социокультурной среде, их деятельность по естест-

венной необходимости ориентировалась на правовые и морально-этические ценности населения. Не случайно дела о злоупотреблениях классовых должностных лиц полномочиями, вымогательствах и взяточничестве, битье крестьян, незаконных арестах датируются только первыми годами работы пореформенных судов. Претензии обывателей к правонарушителям, часто приезжим отставным офицерам, получали активную поддержку местных чиновников. Судьбой первых становилось крушение карьеры, последних – поощрения в службе.

Так, уже 15 декабря 1780 г. вследствие двух обращений капитана-исправника поручика Левашева в адрес генерал-губернатора и наместнического правления с должности судьи Никольской нижней расправы был уволен и 16 января взят под арест капитан Н.И. Маслов. Расправной судья, пользовавшийся в связи с утерей документа, удостоверявшего личность, поддельным, самовольно оставил место службы, злоупотреблял полномочиями, присваивая казенные деньги, забирая у крестьян лошадей с нарушением установленных правил, запрягая по 10–12 животных («несмотря на время работное») и приводя их своим обращением в негодность, необоснованно вызывал людей в суд, бил несогласных («бедных обывателей»).

Возмущенный капитан-исправник, в частности, напомнил губернскому начальству: «Ея императорское величество всеавгустейшая наша монархиня неусыпно яко мать о чадах пекущаяся чрез неутомимые труды своя всем верноподданым рабам своим изыскивая блаженное спокойство изтребляя злобу и безбожное корыстолюбие и лихоимство ясно чрез многие изданные законы запретить соизволила коими таковых преступников жестоко наказывать повелено». Поручик Левашев сослался на действующее законодательство, присягу, данную им при вступлении в должность, и словесное напутствие государева наместника, указав на ограниченность своих полномочий в отношении расправного судьи. Напомнив о цели своего назначения на должность («для соблюдения благопристойности и порядка в уезде и для защищения обывателей от обид и раззорения»), Левашев просил о переводе для работы в другую округу для себя или Маслова.

Генерал-губернатор возбудил уголовное дело, предложив крестьянам подавать иски для возмещения ущерба, причиненного расправным судьей. В ходе следствия Военная коллегия выслала в Вологду восстановленные документы для капитана Маслова, копию указа о его отставке, охарактеризовав офицера, дважды наказанного военным судом за рукоприкладство, но имевшего боевые раны и перенесшего турецкий плен, как усердного к службе и достойного к повышению в чинах. На доклад Сената Екатерина II ответила указом от 2 ноября 1782 г., повелев назначить бывшему офицеру тяжелое уголовное наказание: «лиша чинов и дворянского достоинства сослать в работу» [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–107 об.].

В 1781 г. вологодский генерал-губернатор назначил на должность председателя Красноборской нижней расправы подпоручика лейб-гвардии Измайловского полка и пошехонского помещика князя П.А. Ухтомского, представившего документы о служ-

бе, возбудив после проведения служебной проверки, вызванной рапортом («доношением») сельского заседателя М. Журавлёва, уголовное дело против его предшественника, обвиненного во взяточничестве, битье крестьян, арестах сельских заседателей и прочих злоупотреблениях предоставленной ему властью [ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–19 об.].

26 июня 1786 г. генерал-губернатор утвердил решение уголовной палаты об увольнении от должности стряпчего Сольвычегодской округи Семёнова и заседателя Великоустюжского уездного суда Морина, вступивших в сентябре 1785 г. в конфликт с капитаном-исправником Козминым и сельскими заседателями Сольвычегодских нижней расправы Г. Седельниковым и нижнего земского суда Я. Мусоновым во время расследования дела об отмежевании к дачам барона Строганова и князя Шаховского двух казенных оброчных пожень («за шумство безчиние и угрозы также и за пьянство а чрез то и неисправление на них возложенного сверх же того и непристойные в присутственном месте изречения»). Ссора произошла в избе крестьянина Ширяева в деревне Уткино, где разместилась коллегия («учреждено общее присутствие») и были выставлены копии именных указов Петра I – «зерцало». В решении по делу уголовная коллегия разъяснила: «...Каковые и Морина и стряпчего несогласные с законами и пьянствование а не менее для протчих и соблазнительные поступки совершенно доказывают что они более при исправлении возложенных на них должностей быть не могут а тем более стряпчей которому не точию самому таковые противные поступки делать но по мере возложенной на него высочайшим учреждением должностей протчих от онаго обязан отвращать». 16 августа 1786 г. Сольвычегодская нижняя расправа рапортовала в Вологодское наместническое правление о вызове капитана-исправника и объявлении ему решения, вынесенного судом третьей инстанции [ГАВО. Ф. 177. Оп. 6. Д. 111. Л. 1–22 об.].

Итак, в судебных органах и органах уездной полицейской администрации Вологодского наместничества штатная численность судебных представителей низших сословий объективно и существенно преобладала над численностью членов коллегий, замещавших табельные должности. Население, имевшее многовековые традиции общественного самоуправления и управления, безусловно, приняло очередную реформу системы местного управления и воспользовалось правами, предоставленными монархом, проводя ответственный отбор кандидатов на должности.

Сельские заседатели демонстрировали юридическую и нравственную ответственность и добросовестно исполняли служебные обязанности, инициативно осваивая действующее законодательство. Деятельность нижних расправ и нижних земских судов стимулировала развитие правосознания населения. Социальная близость с лицами, замещавшими публичные должности, поощряла крестьян систематически обращаться к авторитету государственной власти. Деятельность новых судебных органов объективно повысила эффективность реализации уголовной политики верховной власти и значение законодательства при разрешении имущественных споров местного населе-

ния. Судебные представители действовали в соответствии с традициями и ценностями мирского самоуправления, участвуя в регулировании общественных отношений в наиболее важных сферах, на Русском Севере, прежде всего, – землевладения и землепользования.

Принцип выборности положительно сказался на качестве взаимодействия органов государственного и общественного управления, объективно способствовал улучшению общественного климата в части межсословных и межэтнических отношений. Активность населения и его представителей в государственных органах позволяла местной администрации успешно избавляться от работников, профессионально и морально непригодных для государственной гражданской службы. Группа социально активных подданных, сотрудничавших с государственным аппаратом, не стала частью бюрократической системы, но превратилась в устойчивый канал связи власти и населения. При смене во время очередных выборов до 90% лиц в составе коллегий только в Вологодском наместничестве в 1780–1796 гг. через должности сельских заседателей в верхних и нижних расправах, совестном и нижних земских судах могли пройти около 370 человек.

Литература

1. Воропанов, В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана) / В.А. Воропанов. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 456 с.
2. Камкин, А.В. Крестьянское правосознание и правотворчество по материалам второй половины XVIII века / А.В. Камкин // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). – Вологда: ВГПИ, 1981. – С. 40–54.
3. Камкин, А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII в. (Пути и формы крестьянского общественного служения) / А.В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1990. – 95 с.
4. Камкин, А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Камкин А.В. – Москва, 1993. – 38 с.
5. Кочина, З.С. Вологда. XVIII век. Правление Екатерины II. Хроника и российские законы. Справочные материалы / З.С. Кочина. – Вологда, 2003. – Кн. V. – 139 с.
6. Наумова, О.А. Тотемское купечество в XVIII–XIX вв., его состав и регионы предпринимательской деятельности (обзор документов государственного архива Вологодской области) / О.А. Наумова // Тотьма: Историко-литературный альманах. – Вологда: ВГПИ, 1995. – Вып. 1. – С. 306–314.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ): [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XX: 1775–1780, № 14973; т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Штаты Вологодской губернии.
8. ПСЗ РИ: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXII: 1784–1788, № 15968.
9. ПСЗ РИ: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXII: 1784–1788, № 16078.
10. ПСЗ РИ: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Примеч. 4, 6.
11. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. 1, кн. IV. Описание Вологодской губернии / [сост. и изд. И. Пушкиревым]. – Санкт-Петербург: [Тип. К. Вингебера], 1846. – 127 с.
12. Топографическое описание Вологодского наместничества, составленное в 1784 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – Москва, 1857. – Кн. XXV. – 692 с.

V.A. Voropanov

REALIZATION OF THE JUDICIAL REFORM OF CATHERINE II AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE OF THE POPULATION OF VOLOGDA NAMESTNICHESTVO

In the article, the influence of realization of the judicial reform of Catherine II on the development of legal culture of the population on the example of one area of the Russian North (the Vologda namestnichestvo) is analyzed. In order to solve the research problem, the author has used both general and specific research methods that are usually applied in philosophy, law, history and social studies. The novelty of the research is described by the fact that the author analyzes the documents of management and record keeping of the local state authorities of the late 18th century that have never been studied before but provide a great insight into both implementation of electoral legislation and court activities, which were created as a result of the local government reforms. The author also examines the role of these documents in the regulation of public relations and effectiveness of the judicial and legal reforms performed by Catherine II. The conclusions made by the author do not only disprove the opinion that the judicial reform of 1775–1785 was inefficient but also allow to assess methods, means and results of the government's efforts on strengthening the balance of public relations between different social classes and ethnic groups in the Russian North and in the Russian Empire in general.

Russian Empire, court, justice, court representation, legal culture.